

Отечественная история

*Васькин А.А.,¹ член Союза писателей
Москвы*

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА ЛЬВА ТОЛСТОГО. ВОЗДВИЖЕНКА УЛ., ДОМ 9 (К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ)

«С скукой и сонливостью поехал к Рюминым, и вдруг обкатило меня. П.Щ. прелесть. Свежее этого не было давно», – записал Толстой 30 января 1858 г. В этой дневниковой записи под инициалами П.Щ. скрывается восемнадцатилетняя княжна Прасковья Сергеевна Щербатова, обратившая на себя внимание Льва Николаевича еще 6 декабря предыдущего 1857 г.: «Щербатова недурна очень», – отметил он тогда за письменным столом в своей квартире на Пятницкой.

Толстой не случайно приехал на Воздвиженку именно 30 января 1858 г. – это был четверг². По четвергам хозяева дома Рюмины устраивали танцевальные вечера. Но, видно, не очень живые, раз Лев Николаевич ехал к Рюминым с заведомой скукой и сонливостью. Стало быть, уже не ожидал от томного вечера ничего хорошего. Знал куда едет, бывая здесь и прежде. Если бы не Щербатова...

Как обычно, принимали гостей Николай Гаврилович Рюмин (1793–1870), тайный советник, камергер Высочайшего двора, откупщик и богатей, и его жена Елена Федоровна Рюмина, урожденная Кандалинцева (1800–1874).

«Из грязи в князи» – это про Николая Рюмина. Его отец, рязанский миллионер Гаврила Васильевич Рюмин (1751–1827), в начале своей карьеры торговал пирогами на рязанском базаре. Обладая природной сметливостью, быстро пошел в гору. В Рязани ему принадлежали полотняный и винный заводы, два десятка винных лавок. Ему одному выпала честь принимать у себя царя Александра I, проезжавшего через Рязань в 1812 и 1820 гг. За верную службу Отечеству Гаврила Рюмин был пожалован правами потомственного дворянина и дворянским гербом.

Его младший сын Николай Рюмин пошел еще дальше, приумножив состояние отца. Славился Николай Гаврилович и своей щедростью. Рязань была полна приношениями и дарами Рюмина-младшего.

В домах, пожертвованных им городу, помещались дворянский пансион, мужская и женская гимназии, а сад в его владении стал любимым местом отдыха горожан.

Полученные Рюминым чины, ордена и звания – это тоже следствие достигнутого финансового положения, позволившего ему упрочить сложившуюся фамильную традицию благотворительности и меценатства. Вот почему Рюминых помнят не только в Москве (в старой

---

¹ Васькин Александр Анатольевич – историк Москвы, писатель, журналист, лауреат Горьковской литературной премии 2008 г. в номинации «По Руси» (краеведение). Автор книг «Спасти Пушкинскую площадь», «Я не люблю московской жизни», или Что осталось от пушкинской Москвы», «От Волхонки до Знаменки», «От снесенного Военторга до сгоревшего Манежа», «Монастыри Москвы», «Московский университет на Моховой» и других, а также более ста публикаций, исследований, очерков на тему исторического прошлого российской столицы. Эта статья является продолжением серии публикаций, начало – в №3 за 2010 год.

² Название улицы происходит от монастыря Воздвижения Честного Креста Господня, основанного в 1450 г. (в 1812 г. монастырь сожгли наполеоновские солдаты). Воздвиженка, ставшая началом дороги на Смоленск, в XV–XVI вв. была известна и под названием Орбат, сегодня этим словом наречена другая московская улица – Арбат. На Воздвиженке селились представители московской знати, ближайшей к царскому двору (XV–XVII вв.), а также богатейшие фабриканты (XIX в.).

столице Рюмин сделал много больших церковных вкладов), Рязани, но и в Швейцарии. Жители Цюриха в качестве признательности назвали одну из улиц города в честь мецената Рюмина.

В Москве Рюмин был известен и как крупнейший поставщик кирпичей, в подмосковном Кучине ему принадлежала кирпичная фабрика. Тайный советник имел в центре Москвы несколько домов, в том числе на Волхонке.

Не было бы Николая Рюмина – не было бы и Морозовых. Крепостной Савва Васильевич Морозов, с которого принято вести историю рода Морозовых, в 1820 г. выкупился именно у Николая Гавриловича Рюмина. Мог ли предполагать тогда Рюмин, что пройдет всего каких-то семьдесят лет, и разбогатевшие Морозовы здесь, на Воздвиженке выстроят свои особняки – дома 14 и 16!

В доме на Воздвиженке Рюмин вместе со своей большой семьей поселился в 1834 г. Балы у Рюмина запомнились многим современникам. Одна из них, Е.А. Драшусова, вспоминала в 1881–1884 гг.:

«В давно минувшие добрые времена Москва отличалась гостеприимством и веселостью. Приятно слушать рассказы о старинных русских домах, где всех ласково, приветливо принимали, где не думали о том, чтобы удивлять роскошью, не изобретали изысканных тонких обедов, разорительных балов с разными затеями, где льется шампанское, напивается молодежь, что прежде было неслыханно.

Тогда заботились только о том, чтобы всего было вдоволь. Радужие хозяев привлекало посетителей, тогда легче завязывались дружеские связи, тогда было у кого встречаться, собираться запросто, когда не представлялось какого-нибудь общественного увеселения или светского бала, тогда не сидели все по своим углам, не зевали и не жаловались на тоскищу (современное выражение) ...тогда молодые люди не искали развлечения у цыганок, у девиц хора, в обществе своих и чужих любовниц... Роскошь убила гостеприимство точно так же, как неудачная погоня за наукой и напускной либерализм уничтожили в женщинах любезность, приветливость и сердечность. Когда мы поселились в Москве, существовали еще гостеприимные дома, давались веселые праздники, и у многих сохранились еще традиции русского радушия и хлебосольства.

Исчислять московские гостиные было бы слишком долго – скажу только ...о беспрестанных праздниках и приемах Рюминых. Последние были мои наидавнейшие знакомые. Николай Гаврилович Рюмин нажил огромное состояние откупам. Говорят, он имел миллион дохода. Он прежде жил в семействе в Рязани, где еще его отец положил в самой скромной должности целовальника начало его колоссального богатства. Потом они переехали в Москву, поселились на Воздвиженке в прелестном доме, который периодически реставрировался и украшался, и в котором в продолжение многих лет веселили Москву.

Я бывала на балах у Рюминых молодой девушкой, и теперь, после долгого отсутствия из Москвы, нашла у них прежнее гостеприимство и прежнее веселье. Кроме больших балов и разного рода праздников, которые они давали в продолжение года, у них танцевали каждую неделю, кажется, по четвергам, каждый день у них кто-нибудь обедал из близких знакомых. Сверх того, они по воскресеньям давали большие обеды и вечером принимали. В воскресенье вечером у них преимущественно играли в карты. Я говорила, что Московское общество обязано было бы поднести адрес Рюминым с выражением благодарности за их неутомимое желание доставлять удовольствие бесчисленным знакомым».

Узнаем мы из мемуаров Драшусовой и судьбу самого Николая Рюмина: «Можно ли было ожидать, что и такое громадное состояние пошатнется? Всегда находятся люди, которые умеют эксплуатировать богачей и наживаться на их счет. Н.Г. Рюмин много проиграл в карты, много прожил, много потерял на разных предприятиях. Казалось бы, для чего при таком богатстве пускаться в спекуляции? Неужели из желания еще больше разбогатеть? Как бы то ни было, но после его смерти дела оказались совершенно расстроеными. Вдова продолжала

жить в великолепном своем доме, где сохранилась наружная прежняя обстановка, для чего прибегали к большим усилиям. Со смертью Елены Федоровны все рухнуло, и из колоссального состояния осталось очень немного».

У Рюминых было пять дочерей: Прасковья, Любовь, Вера, Екатерина и Мария: «Не смотря на светскую тщеславную жизнь, непрерывные развлечения и суету, девицы Рюмины были вполне хорошо воспитаны, религиозны, с серьезным направлением и вовсе не увлекались светом».

«Старый, мрачный дом на Воздвиженке», – пишет Лев Толстой в «Войне и мире». Но сегодня этот дом вовсе не пугает нас, более того, он вызывает пристальный интерес. И все это благодаря архитекторам К.В. Терскому и П.А. Заруцкому. Первый из них в 1897 г. приложил руку к фасаду, придав его внешнему виду так необходимую ему изящность и элегантность. Второй же зодчий в 1907 г. пристроил корпус по Крестовоздвиженскому переулку, а общую архитектурную законченность получившегося проекта он подчеркнул башенкой, выделяющей угол дома.

Дом Болконского, а кто-то говорит, Волконского. И так, и этак правильно. Как дом старого князя Болконского, это здание увековечено автором в своем известном романе (в этом доме решалась судьба брака княжны Марьи и Николая Ростова).

И домом Волконского этот особняк тоже был.

Князь Николай Сергеевич Волконский (1753–1821) прикупил этот дом в 1816 г., задолго до рождения своего внука – Льва Толстого. Еще в середине XVIII в. здешним участком владели князья Шаховские. В 1774 г. его обладателем стал генерал-поручик В.В. Грушецкий. Его дочь П.В. Муравьева-Апостол и продала дом князю Н.С. Волконскому.

Волконский владел домом пять лет. «Князь Н.С. Волконский должен нас интересовать не только потому, что он дед Л.Н. Толстого и что его внук наследовал некоторые черты его характера, но также как один из видных и типических представителей своей эпохи и своей среды, как прототип кн. Николая Андреевича Болконского в «Войне и мире», – так начал свой рассказ о Н.С. Волконском сын писателя Сергей Львович Толстой в своей книге «Мать и дед Л.Н. Толстого».

В герб рода Волконских входят гербы Киевских и Черниговских князей, что подтверждает древность и знатность рода. Фамилия происходит от названия тульско-калужской реки Волконы, на берегах которой простирались вотчины Волконских. Считается, что первый из князей Волконских – Иван Юрьевич – погиб в 1380 г. на Куликовом Поле. В дальнейшем ратная служба стала для многих представителей семьи Волконских главным делом всей жизни.

Как и полагалось в то время, дед Льва Толстого, дворянин Николай Волконский был записан в военную службу еще ребенком. В 1780 г. капитан гвардии Волконский состоял в свите императрицы Екатерины II при ее встрече с австрийским императором Иосифом II. В 28 лет он стал полковником, в 1787 г. – бригадиром, в 1789 г. – генерал-майором, состоявшим при армии. Живы семейные предания Толстых об участии Волконского во время русско-турецкой войны во взятии Очакова. В 1793 г. Волконский – посол в Берлине, в 1794 г. – служит в Литве и Польше.

В 1794 г., по неясным причинам, Волконский уволился в отпуск на два года. По мнению Льва Толстого, случилось это из-за ссоры с екатерининским фаворитом Григорием Потемкиным.

В 1796 г. с воцарением Павла I Волконский и вовсе был уволен из армии, затем через полтора года вновь возвращен обратно и в декабре 1798 г. назначен военным губернатором Архангельска. Менее чем через год по указу Павла генерал от инфантерии Н.С. Волконский в сорок шесть лет от роду был окончательно отставлен с военной службы.

«Продолжать службу при Павле с его мелочными придирками было слишком тягостно для гордого, независимого характера князя. Он принял решение изменить свою жизнь, удалиться от двора с его интригами и заняться воспитанием дочери – ей уже исполнилось девять лет», – писал праправнук Волконского С.М. Толстой в книге «Толстой и Толстые».